

К.Ю. Курс (Смоленск)

**ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ОНИМОВ,
ОТРАЖАЮЩИХ ТЕМУ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ,
В ТВОРЧЕСТВЕ М.В. ИСАКОВСКОГО**

В статье анализируется коннотативное значение имен собственных, раскрываются особенности их употребления в художественном тексте. На примере онимов Берлин, Гитлер, Германия и др. делается вывод о необходимости учитывать контекст, авторскую оценку и устойчивые ассоциации при анализе ономастикона.

Ключевые слова: *коннотация, художественный текст, ассоциации, Исаковский, эмоциональная окраска, авторский замысел, контекст.*

Имя собственное (ИС) в художественном тексте заключает в себе объемную культурно-историческую информацию, а также обладает различными коннотациями (либо приобретает их с течением времени). В поэтическом тексте ИС часто являются ключевыми словами, требующими определенного контекста и организующими его.

Коннотативные значения могут приобретаться под влиянием лингвистических и экстралингвистических факторов, изменяться с течением времени. Они соединяют сведения о мире и сведения об эмотивном восприятии, отношении субъекта речи к обозначаемому, связывают объективное и субъективное в семантике, имеют смысловой ассоциативно-образный и эмоционально-оценочный компоненты [6, с. 39]. По мнению Е.С. Отина, «референтные коннотации “накапливаются” в онимах благодаря более или менее регуляр-

In Nōminum Spatio (В пространстве имен)

ной востребованности в разных речевых ситуациях какой-то части их объемной энциклопедической информации о денотатах» [7, с. 55].

В художественном тексте большую частотность имеют антропонимы, то есть имена персонажей, они же обладают особой знаковостью, вызывают большое количество внетекстовых историко-культурных ассоциаций и эмоционально-образных коннотаций, участвуют в реализации художественного замысла, помогают формировать семантическую структуру текста, раскрывают структурную связь «писатель-имя-текст».

Антропонимы, в частности имена и фамилии, оценочны как в языке, так и в речи, но именно в художественном тексте проявляется наиболее богатая палитра коннотативных реализаций онимов. Каждый тип антропонима способен выражать многообразные эмоционально-экспрессивные значения как непосредственно – с помощью деривационных средств и возможной ономастической сочетаемости, так и опосредованно – через контекстуальные связи [5, с. 64–65].

Коннотативными могут быть и топонимы, особенно связанные с биографией поэта или писателя, с его личным отношением к называемым местам.

Реализация коннотативных значений ИС в тексте художественного произведения зависит не только от автора, но и от читателя. Безусловно, автор реализует свои эстетические и стилистические установки, ориентируется на определенного читателя, но восприятие коннотативных значений онимов тем не менее зависит от того, как прочитан текст, то есть от подготовленности читателя. Именно поэтому накопление коннотаций и семантических компонентов, идущих от ассоциаций в тексте, реализуется в сознании читателя, который владеет многослойной информацией об употребленном имени собственном. Следовательно, энциклопедическая информация ИС в тексте, закономерная при формировании его семантики, может быть реализована только в том случае, если воспроизводится связь «писатель – имя – текст – читатель» [6, с. 41].

Дополнительные значения ИС часто возникают на базе

ассоциаций, окрашиваются вначале авторскими эмоциональными оттенками, а со временем входят в структуру значения слова. Поэтому ассоциация служит потенциальной базой коннотации, которую можно рассматривать как устоявшуюся в общественном сознании ассоциацию, связанную со словом. Если ассоциации могут носить индивидуальный или групповой характер, то коннотации – это культурно-обусловленные ассоциативные нормы [2, с. 42].

А.А. Фомин считает, что «литературный оним, будучи важным элементом этой структуры, может активно включаться в работу по продуцированию эстетически важных ассоциаций. Более того, литературный оним, поскольку он является текстовой единицей, номинирующей художественный образ, способен конденсировать в своей семантике необходимые образные смыслы и тем самым определять развертывание того ассоциативного фона, на котором должен восприниматься образ». [8, с. 213].

По мнению В.М. Калинкина, «формирование поэтономосфер подчиняется художественным целям». Однако выбор онима ограничен «стремлением не выйти за рамки соответствия “правде вымысла”; необходимостью учета взаимного влияния поэтонима на контекст и наоборот; желанием автора по возможности учесть “ономастическую компетенцию” потенциального читателя». Таким образом для выбора онима в художественном тексте определяющую роль играют «коннотирующие возможности собственных имен» [4].

Несомненно, обширными коннотациями обладают имена собственные Гитлер, Берлин (применительно к произведениям времен Великой Отечественной войны).

Обратившись к творчеству известного советского поэта М.В. Исаковского, мы проанализировали употребление указанных ИС.

В военном периоде употребляется оним **Гитлер** как именование вождя противоборствующей стороны: контекстуальное окружение свидетельствует о яркой негативной оценке этого исторического деятеля М.В. Исаковским, о превращении личного имени в символ зла. Употребляются экспрессивно окрашенные слова (*повешен, подох* и др.):

In Nōminum Spatio (В пространстве имен)

Мне только жаль, что Гитлер *не повешен*, –
Его повесить надо бы давно.

(«Зима в Чистополе»,
1941 [3, с. 16])

И что ты ни делай, и что не загадывай, –
Пока не услышу, что Гитлер *подох*,
Ты лучше в окошко мое не заглядывай,
Ты лучше ко мне не ступай на порог.

(«Рассказ про Степана
и про смерть», 1944 [3, с. 91])

Образ Гитлера неразрывно связан со страной, которой он управляет – Германией. Отметим, что **Германия** в тексте не является топонимом в его обычном понимании, скорее, это собирательный образ врага (преступника, злодея), принесшего беды:

Чем ты стала отныне, Германия,
Смрадным дымом застлавшая свет?
Нет твоим *преступленьям* названия,
И конца *злодеяниям* нет.

(«Слово гнева», 1942 [3, с. 47])

Интересным фактом нам представляется появление разговорного названия **Неметчина** (как нам кажется, не столь часто употребляющегося в поэзии):

Пусть *насилъник* мечется
В страхе и отчаянье,
Пусть своей Неметчины
Не увидит он! –

(«Слушайте, товарищи...»,
1943 [3, с. 76])

Одно из значений слова *неметчина*, сегодня отмеченного как устаревшее, «немецкое государство, чужая земля, что-то иностранное» [1, с. 627]. Именно в военное время оно приобрело яркую негативную оценку, стало обозначать не просто что-то чужое, но и вражеское:

Затем хотели всех, как есть, под стать
На каторгу в Неметчину сослать.
А тех, кто подчиниться не желал,
По чем попало били наповал.

(«Письмо по радио», 1942 [3, с. 42])

Опять же, контекст «дорисовывает» образ насильника, садиста, пленителя.

Логично было бы предположить, что оним **Берлин** также должен обладать отрицательной коннотацией. Однако он представляет собой обозначение конечного пункта военной дороги, несущей победу:

Выпьем все, как один,
За поход на Берлин,
За победный, последний поход...
(«В новогоднюю ночь»,
1944 [3, с. 106])

Нет, не Москва поникла под ударом –
Поник Москвой поверженный Берлин.
(«Москва», 1947 [3, с. 134])

Оппозиция «чужой – свой» образуется с помощью использования вариантов названий страны **Советская родина**, Советский край, имеющих возвышенный оттенок значения:

И врага ненавистного
Крепче бьет паренек
За Советскую родину,
За родной огонек.
(«Огонек», 1942 [3, с. 65])

И большая страна неразрывно воспринимается как единое целое. Отсюда возникают образы самых «страдающих» республик, входящих в состав СССР – братьев и сестер, которых нужно защитить и освободить

Ой вы, серые гуси!
Долетите вы, гуси,
До моей Беларуси;
До моей Беларуси, <...>
Прокричите вы, гуси,
Высоко в поднебесье,
Что с *победою* скоро
Мы придем на Полесье;
Мы придем на Полесье
В города и селенья,
Нашим *братьям и сестрам*
Принесем *вызволенье*.
(«Белорусская песня», 1943 [3, с. 79])

In Nōminum Spatio (В пространстве имен)

Пробил час, наступило мгновенье,
И в неясной предутренней мгле
Поднимались войска в наступленье,
Шли войска к украинской земле;
Шли на запад по снежным равнинам
Земляки, побратимы, друзья...
Украина моя, Украина,
Мать родная моя!

(«Украина моя, Украина»,
1943 [3, с. 68])

В заключении отметим, что коннотативная окраска рассмотренных онимов в поэзии М.В. Исаковского может существенно отличаться от восприятия этих же онимов поэтами-фронтовиками. Исследование коннотативной окрашенности и контекстного окружения в творчестве смоленских поэтов А.Т. Твардовского, Н.И. Рыленкова, а также других поэтов, принимавших участие в войне, считаем перспективой исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000. – 1536 с.
2. Зубкова, Л.И. Русское имя второй половины XX века в лингвокультурологическом аспекте (по произведениям Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Распутина и В. Шукшина). – Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2008. – 411 с.
3. Исаковский, М.В. Собрание сочинений в 5 т. – М.: Художественная литература, 1981. – Т. 2. – 590 с.
4. Калинин, В.М. О проблематике теории поэтонимосферы. – [Электронный ресурс]. – http://azbuka.in.ua/wp-content/uploads/2014/09/Kalinkin_V_M.pdf.
5. Королева, И.А. Оценочность русских имен и фамилий // Оценки и ценности в современном научном познании: сб. науч. тр. / под ред. С.С. Ваулиной, В.И. Грешных. – Ч. 2. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009. – С. 61-65.
6. Курс, К.Ю. Имена собственные в поэзии М.В. Исаковского: структурно-семантический и функциональный анализ: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Смоленский государственный университет. – Смоленск, 2013.

7. Отин, Е.С. Коннотативные онимы и их производные в историко-этимологическом словаре русского языка // Вопросы языкознания № 2. – М.: Наука, 2003. – С. 55–72.

8. Фомин, А.А. Ассоциативные связи литературного онима и аксиология художественного образа // Изв. Урал. гос. ун-та. Гуманитарные науки. Вып.4. (20). 2001. С. 213–229.